

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ЛОГИКО-КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТАХ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Воробьева Светлана Викторовна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии культуры, Белорусский государственный университет. E-mail: cherbourg@mail.ru

Аннотация. Общественное мнение раскрывается в двух логико-когнитивных аспектах повседневных практик. В аспекте аналоговых и гомологических структур доверия дифференцируются монотонные и немонотонные информационные процессы. В аспекте двойственности языка и мышления обоснован дискретно-интервальный подход как поиск условий их соизмеримости. Общественное мнение в контексте соизмеримости воспроизводит нравственные и иезуитские границы интересов в повседневной казуистике.

Ключевые слова: аналоговое доверие; гомологическое доверие; монотонные и немонотонные процессы; мнение; точка зрения; дискретно-интервальный подход; повседневная казуистика; иезуитизм.

PUBLIC OPINION IN LOGICAL-COGNITIVE ASPECTS OF EVERYDAY PRACTICES

Svetlana V. Vorobjova, PhD (Philosophy), Associate Professor of Department of Philosophy of Culture Belarusian State University. E-mail cherbourg@mail.ru

Abstract. Public opinion is revealed in two logical and cognitive aspects of everyday practice. In the aspect of analog and homological structures of trust, monotonic and non-monotonic information processes are differentiated. In the aspect of the duality of language and thinking, a discrete-interval approach is justified as a search for the conditions of their commensurability. Public opinion in the context of commensurability reproduces the moral and Jesuit boundaries of interests in everyday casuistry.

Keywords: analogical trust; homologous trust; monotonic and non-monotonic processes; opinion; point of view; discrete-interval approach; everyday casuistry; Jesuitism.

Цитирование: Воробьева С.В. Общественное мнение в логико-когнитивных аспектах повседневных практик // Наука. Культура. Общество. – 2020. 2. С. 11-17

Множественная рациональность повышает риск искажений и ошибок в социологических исследованиях, включая изучение общественного мнения, что влечет необходимость поиска условий их достоверности. Поисковая деятельность направлена на формализацию коллективной рефлексивности, определение пре-

делов ее эпистемологической безопасности, разграничения языковых и метаязыковых условий, реализма и номинализма и т. д. [1–3]. На этом основании цель статьи заключается в раскрытии общественного мнения как познавательной сферы и исследовательского поля социологии в логико-когнитивных аспектах повсед-

невных практик. Важность такого ракурса предопределена спросом на общезначимое понимание и оценку публичности в современных обществах, вследствие чего возрастает интерес к общественному мнению как социальному порогу культурной повседневной чувствительности и как прагматическому и прогностическому аргументу.

Модификация изучения общественного мнения «как основной концептуальной линии социологии» и «как основного инструмента познания социальной реальности» происходит из двойственной интерпретации монистических и плюралистических методологических парадигм [5, с. 101]. Двойственный контекст интерпретаций обеспечивает соизмеримость количественной и качественной определенностей общественного мнения, радикализм которых можно иллюстрировать, соответственно, вопросами: «Если нет абсолютного перевеса мнений в количественном выражении», то имеет ли место общественное мнение? и «Каковы реальные границы методологической правомерности классификации любой эмпирически фиксируемой тенденции оценочных суждений как выражения общественного мнения?» [5, с. 102, 103]. Это значит, что, с одной стороны, «привычный для монизма аргумент "подавляющего большинства" не может быть гарантом "незрелости" общественного мнения», а меньшинство не должно оцениваться как незрелое или неоформленное, пребывающее в режиме перманентного развития. С другой стороны, «даже самая малочисленная группа "затруднившихся" в своих оценках респондентов – вполне правомерный коллективный субъект общественного мнения, обогащающий его эмпири-

ческую смысловую вариативность» [6, с. 95, 97]. Отсюда вытекают нетривиальные следствия относительно поиска и обоснования условий соизмеримости количественной и качественной определенности общественного мнения.

Общественное мнение – это логико-когнитивный, собирательный конструкт повседневности. Поэтому его исходные точки связаны с логико-когнитивными аспектами повседневных практик, в пределах которых раскрывается двойственная сущность общественного мнения. С одной стороны, она подразумевает выявление и обоснование аналоговых (аналогических) и гомологических факторов общественного мнения, влияющих на выбор переменных, с другой, – разработку системы логических допущений, обеспечивающих правильную расстановку элементов в целостной картине общественного мнения как монотонного или немонотонного информационного процесса.

В повседневных практиках необходимо различать две формы доверия – аналоговое и гомологическое [7]. Аналоговое доверие основано на личном опыте как основе понимания мира и им же ограничено. Оно распространяется на некоторое множество ситуаций, подобных ситуациям из своего опыта. Личный опыт, основанный только на индивидуальных процедурах в языке репрезентаций, останавливает конструктивное взаимодействие с миром, так как отсутствие аналогий приводит к непризнанию ситуаций в предъявляемой форме или содержании и формированию инвектив как следствий фобий. Э. Гидденс именовал аналоговое доверие «базисным доверием», или «бессознательным социальным опытом индивида», составляющим

механизмы рутинного повседневного поведения и мышления, не способного выйти за пределы рутины и «взглянуть на жизнь по-новому» [8, с. 75, 28].

Гомологическое доверие основано на готовности к диалогу, согласованию позиций и конструированию новых способов понимания реальности. Его динамическая сущность предопределена тремя динамическими предикатами – кто, кому и по поводу чего доверяет. Поэтому гомологический опыт когерентных взаимоотношений опирается не только на язык репрезентации реальности, но и на его координирующие репрезентативные функции, связанные с немонотонными процессами. Немонотонный характер гомологического доверия обусловлен тем, что оно наряду с понятными вещами допускает непонятные, в результате чего неотменяемые правила становятся отменяемыми.

Из разграничения статических и динамических критериев доверия следует необходимость их адекватного выражения в языке, не допускающего тождества языка и мышления. Герменевтическая трактовка языка как средства истолкования недопустима вне логического интервального подхода. Ограниченность герменевтики вытекает из подмены мышления языком, что исключает из исследований индивидуальную и общественную жизнь и историю. Логическая интервальная интерпретация двойственна. Она полагает обратимость и альтернативность процессов в двух контекстах, образующих целостность, – мышление в контексте языка и язык в контексте мышления. Данный холизм обусловлен многочисленными, многомерными, связанными в целостные структуры

субъективными и объективными интервалами. В частности, общественное мнение как состояние воспроизводит в большей степени мышление в контексте языка, например, отображает сформированные социальные позиции по отношению к чему- или кому-либо. Процессуальный характер общественного мнения воспроизводит языковые понятийно-терминологические изменения в контексте мышления, например, отображает изменения в категоризации социальных явлений под влиянием СМИ.

Выявление общественного мнения – это поиск и обоснование инвариантов связей субъективных и объективных интервалов. Их сущностным аспектом выступает учет двойственности инвариантов. Например, изучение стереотипов массового сознания подразумевает в одном ракурсе изучение устойчивых (типичных) установок сознания (мышление в реалистическом контексте языка как совокупности условностей над жизнью), в другом, – изучение изменчивых (нетипичных) структур, допустим, в конструировании аргументации или конфликтном взаимодействии (язык в контексте мышления). Мышление в реалистическом контексте языка сопряжено с собирательным значением общественного мнения. Оно складывается из закономерностей массового сознания или гражданского общества в их преломлении к политическим реалиям [9, с. 171]. Язык в номиналистическом контексте мышления сопряжен с разделительным значением общественного мнения, когда, например, «мнение субъекта оценки настолько оригинально, что не вписывается в смысловые вариации содержательных альтернатив, включенных в анкету». Предложенный язык не воспроизводит мысль. Как

следствие, она искажается или вуальруется посредством «затрудняюсь ответить» [9, с. 130].

От заданного в пределах какой-либо целостности интервала зависят конструктивность значения и смысла. Инвариант отображает уникальность, автономность, суверенность общественного мнения, если и только если обозначены логико-когнитивные условия его замкнутости и непроницаемости во множестве культурных прочтений. Такие условия вытекают из различения мнения и точки зрения, привязанных к разным целостностям, соответственно, – психическому состоянию или системе пропозиций. Критерий их дифференциации – «иммунитет от критики». Мнение как психическое состояние доступно лишь самому говорящему, так как резонирует с его внутренним миром [10, с. 46]. Точка зрения как пропозиция находится в отношении к другим пропозициям. Поэтому мнение не может стать объектом оценки и критики, так как не нуждается, в отличие от точки зрения, в обосновании [11, с. 23]. Мнения как перцепционная часть мышления составляют доступный ресурс, из которого реактивным путем извлекаются необходимые эмоционально-чувственные аргументы. Поэтому аналоговому доверию свойственна высокая степень корреляции с предвзятостью и предубежденностью и с обязательствами только перед самим собой [12, р. 438–439]. Гомологическое доверие менее зависимо от схем предвзятости и предубежденности, так как раскрывается в контексте ответственности перед другими людьми, почему несостоятельность или неприемлемость точки зрения служит поводом отказаться от нее. Немонотонный характер выводов в гомологическом

доверии обусловлен тем, что они могут стать ложными при поступлении новой информации [13, с. 222].

Изучение общественного мнения позволяет обнаруживать социально-культурные разногласия в повседневных практиках. Дихотомическое деление культурных разногласий возможно на основании их продуктивности в аналоговом или гомологическом срезе. Разногласия оказываются продуктивными лишь тогда, когда они открывают новые горизонты значений и смыслов, эквивалентные иным способам представления реальности. В частности, истоки социальной справедливости в повседневности ассоциированы с ценностными аспектами бытия агента повседневности [14], которые отражаются в общественном мнении. Например, полнота или дефицит бытийных ценностей [15, с. 47] детерминируют, соответственно, когнитивные движения от себя к миру или от мира к себе [16]. Логическая модальная схема первого движения «Мир справедлив, так как Я ответственен и поэтому Я должен», второго – «Мир несправедлив, так как ответственные другие, поэтому мне должны».

Исследование общественного мнения сопряжено с контекстом казуистики. Л.Л. Фуллер, анализируя моральные аспекты права, подчеркнул, что вопросы справедливости в правовом регулировании решаются в контексте «схожего разрешения схожих дел» без учета завышения или извращения критерия «схожести» [17, с. 283]. Разумеется, не только правовое движение в поиске критериев социальной справедливости казуистично. Нетривиальный вывод заключается в том, что формализация культурного многообразия в решении вопросов справедливости ос-

ложнена неустранимыми факторами повседневности как источнике иезуитского стиля обоснования.

Логико-когнитивная цель казуистики в повседневных практиках заключается в решении задач посредством закономерностей, выведенных из индуктивной совокупности похожих ситуаций и случаев. Она служит триггером в аналоговом доверии. Иезуитизм как стиль общественного мнения отличает реалистичность и снижение ценности и строгости нравственности. Систематическое уменьшение силы нравственных законов осуществляется для того, чтобы «сделать из осуждаемых моралью поступков, если и не добродетели, то действия дозволенные или безразличные» [18, с. 50–51]. Это означает, что срез общественного мнения по каким-либо вопросам воспроизводит иезуитские границы компромиссов и желаний во множестве персонифицированных казуистических мнений, которые позволяют раскрывать и обосновывать его агрегатно-коллективистские свойства.

Например, поиск критериев инварианта справедливости в условиях ее культурных разночтений возможен на основании продуктивности разногласий [14]. Разночтения оказываются продуктивными только в том случае, если открывают новые горизонты значений и смыслов, эквивалентные относительно новым способам представления реальности (гомология). С позиции аналогового понимания и доверия разногласия не различимы. Следовательно, для замера общественного мнения следует, во-первых, разграничивать понятное и непонятное, во-вторых, дифференцировать отменяемые и неотменяемые правила. Критерием разграничения выступает наличие / отсутствие

устойчивого (повторяемого) образа и возможность его выражения в двойственности языка и мышления. Критерием дифференциации правил служит разграничение ошибок, являющихся нарушением казуистических индуктивных обобщений в монотонных процессах, и ошибок, которые правила модифицируют в процессах немонотонных.

Такой подход особенно важен при изучении общественного мнения относительно неочевидных последствий каких-либо процессов [19]. В частности, измерить социальные последствия трудовой миграции сложнее по сравнению с экономическими последствиями, так как их показатели и значения менее явны. Например, Б Скочиньска-Прокопович в качестве предикторов социальных последствий включила последствия для семьи, супружеских и родительских отношений, социальной и личной жизни мигранта [20]. Это позволило выстроить согласованную картину мнений относительно миграции с точки зрения различных категорий респондентов, объединенных в трех группах, и трех временных рядов – событийной, ситуационной и длительной протяженности [14, с. 176].

Таким образом, в общественном мнении как познавательной сфере и исследовательском поле социологии следует различать два логико-когнитивных аспекта повседневных практик. Первый вытекает из различения аналоговых и гомологических структур доверия в повседневных практиках, обеспечивающих дифференциацию монотонных и немонотонных информационных процессов в общественном мнении. Данные структуры, содержательно воспроизводя разные части общественного мнения – реактивно-мотивационную

(перцепционную) и причинно-следственную, позволяют устанавливать различия в казуистике повседневных практик и определять иезуитские и нравственные границы социальных компромиссов и желаний.

Второй аспект вытекает из двойственности мышления и языка и предполагает разграничение герменевтического и дискретно-интервального подходов. Герменевтика подменяет мышление языком. Дискретно-интервальный подход предполагает поиск условий соизмеримости двух ракурсов – мышления в языке и языка в мышлении. В их пределах устанавливается количественно-качественная определенность общественного мнения.

В целом поиск меры оценок общественного мнения все в большей степени связывается с качественной парадигмой исследовательского поиска, способной раскрыть «онтологические аспекты смыслов», скрывающихся «за статистически обоснованной контингенцией». Согласно качественной парадигме, «реальности мира складываются не из статистических закономерностей, а из конструктивного потенциала оценок и восприятия этого мира общественным сознанием, выраженным в общественном мнении» [6, с. 99]. Поэтому интерпретация общественного мнения в логико-когнитивных аспектах повседневных практик представляет собой неотъемлемую часть качественной парадигмы.

Библиографический список

1. Бурдые П. Включенная объективация // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 21–38.
2. Бурдые П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: Антология. Ч. 2. / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковский. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 373–429.
3. Грищенко Ж.М. Общественное мнение в лабиринтах научного дискурса // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. 2008. № 3. С. 73–79.
4. Кеестра М. Понимание природы человеческого действия. Интеграция смыслов, механизмов, причин и контекстов // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. Под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Издательский дом «Навигатор», 2015. С. 202–235.
5. Грищенко Ж.М. Общественное мнение: методологическая нагруженность категории в контексте социологического познания // Современное общество как проблемное поле социальных наук: материалы междунар. науч. конф. Минск, 19–20 октября 2006 г. / редкол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2007. С. 101–104.
6. Данилов А.Н., Грищенко Ж.М. Политическая социология: во власти метода или в плену у стереотипов? // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. 2012. № 3. С. 93–104.
7. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 1999. 704 с.
8. Lévinas E. Diachronie et représentation: à la recherche du sens // Revue de l'Université d'Ottawa. 1985. Vol. 55. P. 85–98.
9. Данилов А.Н., Грищенко Ж.М. Социология политики: пособие. Минск: БГУ, 2013. 183 с.
10. Хоутлоссер П. Точки зрения // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 34–63.

11. Воробьева С.В. Культура повседневного мышления и массмедиа // Культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: глобальный и региональный аспекты. Мат. межд. науч.-практ. конференции. М.: изд-во АПК и ППРО, 2017. С. 21–25.
12. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. De la temporalité comme caractèr de l'argumentation // *Rhétoriques*. Bruxelles, 1989. P. 437–466.
13. Воробьева С.В. Логика: Теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
14. Воробьева С.В. Феномен социальной справедливости в повседневной аргументации // Общество и государство в условиях социально-экономических трансформаций. (VII Рязанские социологические чтения): материалы национальной научно-практической с международным участием; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина 23–25 ноября 2017 г. / Отв. ред. В.А. Горнов, Р.Евг. Маркин. М.: изд-во Иппалитова, 2017. С. 42–48.
15. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
16. Lévinas E. *Autrement que savoir*. Paris, 1988. 177 p.
17. Фуллер А.А. Позитивизм и верность праву: ответ профессору Харту // Харт Г.Л.А. *Философия и язык права*. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. С. 281–333.
18. Моно Г. Введение // Бёмер Г. *История ордена иезуитов* / Пер. с нем. Н. Попова. Смоленск: Русич, 2002. С. 3–99.
19. Грищенко Ж.М. Социология общественного мнения // *Социология: научно-теоретический журнал* / Белорусский государственный университет. 2009. № 2. С. 32–43.
20. Скочиньска-Прокопович Б. Социальные последствия трудовой миграции. На основании мнений жителей Подкарпатья. Пер. с пол. Т.И. Врублевской-Токер. Минск: РИВШ, 2018. 274 с.